

The background of the book cover features a city skyline at dusk or dawn, with buildings silhouetted against a light sky. A large, semi-transparent blue rectangle is overlaid on the upper portion of the image, containing the author's name and the title. The overall color palette is dominated by blues and dark tones.

Марина Колесова

Дневник эльфийки

Марина Колесова

Дневник эльфийки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29417473

SelfPub; 2018

Аннотация

Вы можете представить, что волей случая эльфийка попадает в наш мир? Я вот представила и заставила эльфийку попутешествовать по нашему миру. На ее долю выпали непростые испытания и, несмотря на то, что в результате она добилась того, к чему стремилась, цена, которую она заплатила за это, дезавуировала все ее достижения. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Если вы любите сказки про эльфов и хэппи-энды, читать произведение категорически не рекомендуется. Это тяжелое произведение, и эльфы тут не сказочные добродушные существа, а обремененные страстями индивидуумы, которым ничто человеческое не чуждо, особенно если на карту поставлено многое.

Я сидела перед небольшим зеркалом в маленькой каморке под лестницей, где хранились веники, и корчила сама себе рожи. А что скажите, можно делать еще шестнадцатилетней девчонке, смотрясь в зеркало, если рот у неё до ушей, глаза маленькие и невыразительные, нос чересчур длинен, кожа сухая и шершавая, а волосы жесткие и топорщатся так, что кажутся вечно растрепанными. Я наморщила нос и приподняла губы, обнажив ряд ровных и ослепительно-белых зубов. Вот только зубы у меня красивые... ну может, еще и уши.

Я повернулась в профиль и откинула прядь темных волос. Обычные такие уши, высокие, заостренные, одним словом такие же, как у всех, ничуть не лучше, но, правда и не хуже... не то, что рот. Я опять скривилась, растянув свои губы в кривой улыбке. Интересно знать, кто же из родителей наградил меня таким ртом...

Родителей я не помнила, они умерли, когда я была еще ребенком. Вернее умер мой отец, бывший тогда правителем Хламии, а вот о матери ходили самые противоречивые слухи, то ли сбежала она после смерти моего отца, опасаясь, что её убьют в начавшейся после его смерти борьбе за власть, то ли действительно убили её в это время. Одним словом она – исчезла. её долго искал брат моего отца, одолевший в борьбе за трон всех своих противников и ставший правителем, а может, делал вид что искал... но в любом случае мой дядя не нашел ни ее, ни её труп. О моей матери вообще мно-

го что болтали. Говорили, что она была самой феей лунного света... Только вряд ли она была феей. Ведь если бы она была бы действительно феей, разве была бы я такой уродинкой и разве бросила бы она меня здесь со столь злобными и ненавидящими меня родственничками? Я показала язык своему отражению, пробормотав: «бе-бе-бе». Я знала, что не прикончили они меня только потому, что оракул предсказал процветание Хламии лишь, если я умру естественной смертью. И именно поэтому мой порфириносный дядюшка, да и тетюшка тоже, хоть и прилагают все силы, чтобы сделать мою жизнь абсолютно невыносимой, усиленно делают вид, что опекают меня, не уставая всем при этом повторять, что я за их заботу плачу им «черной неблагодарностью» и позорю весь их род, демонстрируя непослушание, лень, нежелание учиться и вообще слабоумие. Как же я их ненавижу. Давно бы сбежала, если б только знала куда...

– Лия! – раздалось в коридоре. – Куда ты запропастилась, мерзкая девчонка? Вот погоди, найду, ты у меня получишь! Я отучу тебя сбегать и прятаться! Лия, лучше сама выходи! Иначе так тебя выдеру – неделю не встанешь. Выходи сейчас же!

Это мой воспитатель и по совместительству учитель – старый Дарт разоряется. Как же, выйду... Пусть даже не надеется. Можно подумать, я настолько бестолкова, чтобы выйти

и мало того, что получить нагоняй и выслушать нудную лекцию о своем недопустимом поведении, так еще после этого учить эти языкосломные заклинания... Помешался он прям на них. По-моему, это он специально меня учить их заставляет, чтоб иметь лишний повод наказать... хотя у него и без этого фантазии к чему придраться хватает. «Не так стоишь, не так смотришь, не так отвечаешь...» и еще куча всякого «не так».

– Ага, вот ты где! – дверка каморки неожиданно распаивается, хоть я и сижу тихо, как мышка, и Дарт, схватив за шиворот, выволакивает меня в коридор, награждая при этом парой увесистых затрещин, – Ох, и задам я тебе сегодня, мерзавка!

– Отпусти меня! – я пытаюсь вырваться и кусаю его за руку.

Он вскрикивает и разжимает руку, чем я тут же пользуюсь и отскакиваю на безопасное расстояние, гордо заявив при этом:

– Не смей так со мной обращаться, я – принцесса!

Мысли о высокородных родителях явно настроили меня на осознание чувства собственного достоинства, которое Дарт тут же не преминул развеять в прах.

– Уж лучше б ты молчала! Какая ты принцесса? – потирая укушенную руку, раздраженно проговорил он. – Ни такта, ни обаяния, ни ума, ни умения вести себя с достоинством... про

внешность я уж вообще молчу... ты недоразумение какое-то, ошибка природы, а не принцесса. Ты даже выглядишь хуже любого лесного бродяги – постоянно измазанная в чем-то, лохматая, все на тебе рвется... Мне вечно из-за тебя попадает, несчастье ты мое ходячее... Все, подойди ко мне и встань на колени.

– Не подойду! – понимая, что в сложившейся ситуации даже полная капитуляция мне не поможет и наказание мне светит нешуточное, я решаюсь идти до конца.

– Ах так? – Дарт вскинул руку, и у него меж пальцев возникло голубоватое свечение. – Ну что ж, сама напросилась!

Я тоже вскинула руку, намереваясь отвести его воздействие, но у меня ничего не получилось. Вернее получилось... но, как всегда, совсем не то, что я хотела.

Мое воздействие слилось с его и окружило меня энергетическим, сверкающим коконом, пощипывая мне кожу низкоуровневыми разрядами.

– Не двигайся, идиотка! – заорал Дарт и опрометью бросился в другой конец коридора, прячась за поворотом.

Сделал он это своевременно, потому что я неожиданно даже для себя чихнула, и сфера вокруг меня взорвалась. Посыпались стекла из окон и штукатурка с потолка, незапертые двери распахнулись, а запертые слетели с петель. А затем, совсем рядом со мной, так, что я едва успела отскочить, с противным шуршанием, с потолка рухнула огромная люстра и разлетелась сотнями сверкающих осколков.

Сразу же в коридор вбежали стражники, но, увидев меня посреди всего этого разгрома, замерли в нерешительности, не зная, что предпринять. Один из них удалился, скорее всего, для того, чтобы доложить дядюшке об учиненном мной беспорядке. Дарт даже не показывался, видимо, предпочтя скрыться, предоставив мне тем самым возможность самой выпутываться из спровоцированных им неприятностей.

Дядюшка Жюль не заставил себя долго ждать. Сверкая своей пурпурной мантией, он показался в коридоре в сопровождении начальника стражи. Выражение его лица при этом не предвещало ничего хорошего.

– Лия, – начал он, остановившись в паре шагов от меня, – как это надо понимать? Ты совсем рехнулась и начала крушить наш дворец или что?

– Или что, дядя, – потупив глаза в пол, ответила я, судорожно обдумывая, как наиболее правдоподобным способом можно было бы объяснить мою очередную неудачную попытку использования магии.

– И что значит это твое «или что»? – дядя нахмурился.

– Ну... это значит, что я здесь абсолютно не при чем, дядя, – пытаюсь придумать что-то, я стала возить носком туфельки по полу, искоса поглядывая на дядюшку.

– А кто «причем»? – на скулах порфириносного монарха, приходившегося мне дядей, заходили желваки.

– Голубой летучий флай дергонов, – выпалила я, удивляясь как это раньше мне не пришло в голову столь логичное объяснение. – Я засекла, как он шпионил во дворце, и хотела его поймать, уже даже сеть накинула... и тут он возьми и взорвись, я еле успела щит отражений сформировать, а то бы и меня в ключья порвало...

– Флай дергонов, говоришь, – дядя в задумчивости потер щеку, с лица её стало сходить выражение крайнего раздражения, – надо будет учесть, – задумчиво пробормотал он и, развернувшись, чтоб удалиться, махнул рукой стражникам, – приберитесь здесь.

Он сделал уже несколько шагов вглубь коридора, как вдруг резко остановился, вновь развернулся, шагнул ко мне и, глядя прямо мне в глаза, тихо спросил: – Кстати, а где щит, который ты сформировала?

– Я дезавуировала его, – не моргнув глазом, вновь солгала я.

– Дезавуировала... хорошо... – он внимательно оглядел коридор, – но сеть-то, которой ты флая ловила, ты ведь не стала дезавуировать... тебе это ни к чему было... иначе ты и остальную бы грязь прибрала. Ведь так? – его глаза, словно маленькие буровики сверлили меня испытующим взглядом.

– Так... – понимая, что попалась, тихо пробормотала я.

– Обыщите коридор, – приказал дядя охране, – мне нужен хоть маленький клоч ловчей сети или кусочек шкурки флая,

да даже чешуя этой летучей ящерицы сойдет, – не сводя с меня пристального взгляда, продолжил он. – Что-то подсказывает мне, что моя племянница вновь решила проверить, как я отношусь к подобным шуткам, забыв, что отношусь я к ним крайне отрицательно, – на последних словах он перешел на зловещий шепот.

Минут десять мы с дядей простояли друг против друга в молчании, прерываемым только звуками, издаваемыми охранниками, тщательно перебирающими мусор и осколки стекол. Потом дядя тихо произнес:

– Мы можем здесь долго стоять, но Лия, ты ведь знаешь, что они ничего не найдут... Может, ты все-таки признаешься, что никакого флая не было, и ты все это выдумала, чтобы скрыть, что не способна контролировать собственную магию?

– Он был! – я решила стоять на своем, чего бы мне это не стоило.

– Угу, – саркастически хмыкнул дядя, – и, взорвавшись, дезавуировал сам себя и твою сеть... Ты понимаешь, что это бред?! Я ведь вижу, что ты врешь! – он помолчал немного, а затем тихо предложил: – Лия, если ты признаешься, что солгала про флая и расскажешь, как все происходило в действительности, я обещаю, что не буду наказывать тебя.

– Он был! – упрямо повторила я.

– Кто? – тяжело вздохнув, решил уточнить дядя.

– Флай.

– Так ты настаиваешь, что флай дергонов был здесь и взорвался после того, как ты накинула на него сеть? – лицо дяди покраснело, и под скулами вновь заходили желваки.

Я понимала, что он мне уже ни за что не поверит, но признаться во лжи было выше моих сил, и я выдохнула: – Да!

– Лия, мне надоело! Надоело изо дня в день выслушивать твою ложь и закрывать глаза на твои проделки! Надоело! – голос дяди обрел мощь и громом прокатился по коридору. – Все! Мое терпение лопнуло! Отныне я изолирую тебя и отправлю туда, где твое неумение обращаться с магией сможет повредить лишь тебе самой. И ты будешь там, пока не научишься применять по назначению свои способности и контролировать их, пока не освоишь хорошие манеры и не отучишься лгать, по крайней мере, мне.

– Это куда, дядя? – с дрожью в голосе спросила я, боясь услышать ответ.

Однако я услышала его:

– В Вердингерскую обитель!

Мысли как бешенные заплясали у меня в голове. Вердингерской обителью назывался старый заброшенный замок посреди ведьминых болот, проход к которому открывался лишь через внешний портал из тронного зала правителя Хламии. Таким образом, обитатели Вердингерского замка могли покинуть его лишь при желании Хламийского монарха. И я осознала, что меня будут, как узницу, держать там до самой моей смерти.

– Нет, дядя! Нет! – я бросилась на колени перед дядей и вцепилась руками в край его пурпурной мантии. – Я умоляю, не надо! Я солгала! Не было никакого флая... я больше не буду лгать... я приму любое наказание, лишь простите и не отправляйте меня туда... – всхлипывая, молила я, и слезы рекой лились у меня из глаз, – я ни разочка больше не солгу Вам... обещаю.

– Лия, хватит! – дядя с раздражением выдернул свою мантию из моих рук, – у тебя была возможность признаться и избежать подобной участи, но ты как закоренелая лгунья ей пренебрегла, так что моя совесть чиста.

– Я не отправлюсь туда! Не пойду!

Я вскочила на ноги и попыталась сбежать, однако была поймана охранниками, которые, подхватили меня под руки и поволокли в тронный зал монарха, не обращая внимания на мои крики и попытки вырваться. Там они поставили меня посреди зала и замерли, крепко держа за руки.

Понимая, что сейчас меня отправят в Вердингерский замок, я решила прибегнуть к последней хитрости. Всклипывая, я покорно замерла, а потом просительно заглянула в глаза дядюшки, уже открывшего портал.

– Дядя, неужели Вы отправите меня туда вот так, даже не дав мне с собой огниво? Меня же в первую же ночь растерзают замковые упыри... А это ведь совсем неестественная смерть, заметьте, – хитро добавила я.

– Дайте ей огниво и затолкайте в портал, – приказал дядя

охране.

– Благодарю Вас, дядя, Вы очень милосердны, – проговорила я елеиным голосом, низко склоняя голову. – Я обещаю Вам, что я всеми силами буду стараться исправиться... и надеюсь, Вы вспомните обо мне в ближайшее время, и у меня появится шанс продемонстрировать Вам, как я изменилась.

– Всенепременно, – буркнул дядя, но по его виду было понятно, что он с радостью не вспомнит обо мне ближайшие лет двести как минимум.

Один из охранников принес мне огниво, а двое других, держащих меня за руки, сбитые с толку моим покорным видом, вместо того, чтобы привязать мне огниво к поясу, разжали руки, давая возможность самой забрать его. А я только этого и ждала и тут же вскинула руку, направляя поток своей магии в портал. Я хотела запечатать его навечно, но к несчастью у меня вновь получилось что-то не то. Портал заискрился всеми цветами радуги и стал шириться и расти на глазах.

– Заталкивайте её туда быстрее, олухи! – заорал дядя.

И его охрана, повинувшись приказу, зашвырнула меня в портал, который тут же сомкнулся у меня за спиной.

Портал свернулся спиралью, и я понеслась куда-то вниз, в темноту бесконечности. По дороге портал наваливался на меня, сминая и сдавливая все мое тело так, что казалось еще немного и мое тело разорвет на мелкие кусочки, при этом все дальше и дальше на скорости увлекая в бездну неизвестно-

сти от того места, которое я привыкла считать своим домом.

Когда портал мягко выбросил меня в место назначения, и я в окружающей меня темноте ощутила, что сижу на траве, а вокруг шелестят листья деревьев, то с радостью поняла, что сумела его перенаправить и попала не в Вердингерский замок, в окрестностях которого, по рассказам, не было ни одного дерева.

Однако радовалась я рано. Неожиданно вдали показались два быстро-приближающихся огня, и я услышала звук, который никогда не слышала раньше. На меня на огромной скорости надвигался какой-то неизвестный мне объект. Я встала, отошла на пару шагов, расставив в темноте руки и, нащупав дерево, прижалась к нему спиной. Всегда лучше, когда у тебя хотя бы тыл защищен.

Когда объект приблизился ко мне настолько, что совсем ослепил меня своими огнями, я вскинула руку и... и опять произошло совсем не то, что я ожидала.

Объект промчался мимо, и я увидела силуэт приплюснутой спереди и сзади крытой лодки на колесах с красными фонарями сзади. Однако лодка, вдруг с визгом замедлила ход, при этом ярче вспыхнули её красные фонари сзади, потом там же загорелся белый, и лодка чуть подала назад. Когда она замерла напротив меня, в её боку распахнулась дверка, и из неё выглянула голова обычного парня.

– Эй, подруга! Ты так до утра никого не поймаешь, если

голосовать не на обочине будешь, а в кустах, – со смехом крикнул он, – не будь на тебе этого твоего бело-синего балдахона, я бы и не заметил тебя. Давай, залезай... да не жмись ты к дереву, я не обижу. Даже денег не возьму – мне ведь все равно в город, только ты уж, будь добра, развлеки меня до города разговорами, а то сил нет, как в сон клонит. Даже тебя вначале за приведение принял... – он вновь рассмеялся.

Я несмело подошла к лодке и, прошептав: «благодарю», влезла в дверку и опустилась на кресло рядом с парнем. Тот дернул какую-то ручку, потом взялся за круглое колесо перед собой, и лодка поехала, а парень проговорил:

– Значит так, гоняю я прилично, поэтому будь добра не выпендривайся и пристегнись.

– И как это здесь делается? – тихо осведомилась я, беспомощно оглянувшись по сторонам.

– Хочешь намекнуть, что в Феррари, никогда не ездила? Что ж улыбнуло, я оценил, пять баллов. Тут так же как и везде, вон ремень, – он, не поворачиваясь ко мне, указал рукой на стойку двери.

В сумраке внутренности «Феррари», как назвал свою лодку парень, я увидела торчащую железячку, взялась за неё и несмело потянула. За железячкой в оправе из неизвестного мне материала потянулся матерчатый ремень, точно такой же, как охватывал туловище парня. Я пригляделась и, поняв способ крепления, пристегнулась.

«Интересно, куда это я попала?» – пронеслось у меня

в голове: «Это не мой мир... это какой-то параллельный мир... Надо будет побольше наблюдать и поменьше говорить и спрашивать, чтобы не показать свою чужеродность... Неизвестно, как они относятся к чужакам».

– Ты обещала развлекать меня разговором. Рассказывай что-нибудь, – чуть обернув голову ко мне, парень смерил меня оценивающим взглядом.

Я внутренне сжалась и, понимая, что даже в окружавшем меня сумраке выгляжу не особо привлекательно, чтобы немного скрасить это, откинула прядь волос, заложив её за, с моей точки зрения, не вызывающее нареканий ухо и повернулась в профиль.

То, что произошло дальше, я не ожидала, лодку резко дернуло в сторону, потом она опять взвизгнула и остановилась, а парень, бросив свое колесо, повернулся ко мне и, не сводя с меня пристального взгляда, щелкнул чем-то, после чего внутри Феррари включился свет.

Я повернулась к нему и обмерла.

Его уши... они были совсем не такие... абсолютно не такие как у всех... всех в моем мире, я имею в виду. А по тому, как он разглядывал мои уши, я поняла, что и ему мои уши кажутся не менее необычными.

Первым установившееся молчание нарушил парень. Он глубоко вздохнул и тихо спросил:

– Ты с тусовки толкиенистов что ли?

Единственное, что я смогла сделать, это утвердительно закивать головой, потому что от страха, что во мне сейчас признают чужака, у меня перехватило горло и онемел язык.

– Нет, я, конечно, слышал, что некоторые из вас уродуются таким образом, но мне казалось, что это в основном парни... а чтобы девушка... я бы на твоём месте уж лучше бы пластику рта сделал, чем ушей...

Слезы непроизвольно закапали у меня из глаз, и я уткнула лицо в руки, стараясь сдержать подступившие к горлу рыдания.

– Эй, ну не надо... не надо... я не хотел тебя обидеть... Я нормально отношусь к любым течениям... Я сам в сети сутками порой зависаю и тоже не прочь пофантазировать... и к этим, кого ты там изображаешь... черт... забыл... – парень отстегнул свой ремень и, повернувшись ко мне, ласково коснулся плеча, – ну не плачь... не плачь... тебе же самой нравится быть этой самой... ну ты поняла... Вот это – самое главное, а на то, как на это реагируют не разделяющие твои увлечения отдельные остолопы, вроде меня, наплюй! Это не повод плакать...

Он помолчал немного и, видя, что я никак не могу успокоиться, продолжил:

– Кстати, а чего это ты одна на обочине голосовала? Вы ж всегда компаниями большими тусуетесь... Неужто девушку с тусовки никто подвезти не захотел? – он тяжело вздохнул и добавил: – Похоже, что именно так дела и обстоят... а тут

еще я со своими комментариями... Ты это... извини... Ты очень миленькая, как там ее, а вспомнил, вспомнил! – он радостно заулыбался. – Эльфийка! Очень миленькая эльфийка, правда, правда. И наряд у тебя зашибенный. Небось бешенные деньги за него отвалила, да еще и операция... Слушай, да они просто идиоты, что это все не оценили. Ты главное – не переживай. Такое часто бывает. В сети любой героем кажется, из себя меня корежит, а встретишь и видишь – ноль, ничего нет... Так что вытри слезы и успокойся. Мне ты так даже очень нравишься, хоть я и не из вашей тусовки...

Я уже отвела руки от лица и, стараясь поменьше всхлипывать, сквозь еще дрожащие на моих ресницах слезы наблюдала, как он полез в какой-то шкафчик перед моим креслом и, порывшись в нем, вытащил пакет, из которого вынул аккуратно сложенную мягкую салфетку, которую вложил мне в руки.

Я вытерла слезы, отсморкалась, а потом быстрым движением поправила волосы, чтобы прикрыть уши.

– Да, ладно тебе. Не тушуйся. Я уже привык, говорю же, очень даже миленькая из тебя эльфийка получилась.

Парень явно был горд тем, что смог вспомнить столь трудное для него слово, характеризующее мою внешность. Я пристально посмотрела на него. Он был красив. Очень красив. Густые волнистые волосы цвета спелой ржи, большие серовато-синие глаза, опущенные длинными ресницами, правильный профиль и чувственные губы. Если бы не его уши...

ну или волосы чуть длиннее, чтобы скрыть их, тогда бы я сказала, что более красивого парня не встречала ни разу в жизни.

Тем временем он вновь накинул на себя ремень и, защелкнув его, тронул свою Феррари со словами:

– Ну вот успокоилась и хорошо... ты главное о плохом не думай. Лучше расскажи мне что-то, отвлекись. Это, между прочим, плата за проезд. Я лишь на таких условиях согласился тебя подвезти.

– Хорошо, – согласно кивнула я, – я расскажу... Только что рассказывать?

– Да хоть об этих... об эльфах. Они ведь нравятся тебе?

– Ну теперь не то чтобы очень... – подавленно пробормотала я.

– Так ты разочаровалась в этом? Да уж... тебе не позавидуешь сейчас... Небось такое чувство, что весь мир рухнул.

– Похоже... – я вновь согласно кивнула.

– Слушай, ты не переживай. Такое бывает. Людям на то жизнь и дается, чтобы искать, пробовать, находить, потом разочаровываться и снова искать... В этом смысл. Движение – все, цель – ничто, как сказал один великий...

– Великий кто? – осторожно уточнила я.

– Да не помню я кто... К тому же какая разница... Хочешь узнать, в инете пошурши за две секунды найдешь.

Я не поняла ни слова из его объяснения, я вообще плохо понимала о чем он говорит, но решила ничего не уточнять,

ориентируясь на мысль: «какая разница».

В это время я заметила, что навстречу нам несутся два сверкающих огня, и вжалась в кресло, понимая, что лодка, подобная нашей «Феррари», мчится прямо на нас. Однако мой спутник ничем не выказал свою озабоченность, напротив он, непринужденно держа колесо управления лишь одной рукой, другой полез в карман своей куртки и вытащил из него маленькую плоскую вибрирующую коробочку.

Лодка с фонарями проскочила сбоку от нас, и только тут я заметила, что дорога, по которой мы ехали, разделена белой краской, и мы едем с одной стороны, а встречная лодка пронеслась с другой.

Видно здесь правила такие, решила я, сделав для себя вывод, что пугаться встречных лодок не следует.

Мой спутник, тем временем посмотрев на коробочку, вновь запихнул её в карман.

– Что-то важное? – тихо спросила я.

– Да, нет, – парень усмехнулся, – просто девчонка моя генерит и потому эсэмэски глупые шлет, но ничего, сейчас встречу с ней и разрулю ситуацию.

Кроме слов «моя девчонка» и «сейчас встречу с ней» я вновь не поняла ничего, но то, что я поняла, меня не порадовало. Хотя смешно было надеяться, что у такого парня нет своей девчонки.

– Она красивая? – не смогла я скрыть собственного инте-

реса.

– Очень, – парень ласково улыбнулся, видимо вызвав в воображении её образ. – Она фотомодель и победительница многих конкурсов красоты, только это ничего не значит для меня, я просто люблю ее. Люблю её такой, какая она есть, без всяких этих её званий «Мисс».

Ой, как же я позавидовала в этот момент этой неизвестной девчонке, никто даже представить себе не может. Позавидовала не за то, что она красивая и у неё такой красивый парень, а за то, что он вот так улыбается, вспоминая о ней.

«Я бы что угодно отдала, чтобы оказаться на её месте», с тоской подумала я, а вслух сказала: – Слушай, а чем ты занимаешься?

Это был правильный вопрос, потому что больше что-то рассказывать мне не пришлось, всю долгую дорогу до города, он рассказывал мне о том, чем он занимается. Мимо нас проносились встречные лодки, мы обгоняли некоторые, затем въехали в целый поток подобных лодок и маневрировали, пытаясь всех обогнать, но мой собеседник не прервал свое повествование ни на минуту. Я поняла из его рассказа менее сотой доли, но заинтересованно слушала, поддакивала и время от времени, когда он поворачивался ко мне, кивала головой, ахая: – Надо же, как интересно!

Был он каким-то «сисадмином», но эта официальная, как он выразился, работа не отнимала много времени, и была не основной частью его заработка. Основным было – написа-

ние каких-то, не выговоришь даже каких, программ для каких-то там пользователей и провайдеров. Он с таким увлечением разглагольствовал о преимуществах работы под какой-то операционной системой и так убежденно заявил мне, что за ней будущее, что через некоторое время я сочла за благо согласиться с ним:

– Конечно, это видно даже невооруженным глазом, её преимущества неоспоримы, выиграет тот, кто первым это осознает, – заявила я, втайне надеясь, что не сморозила что-то невпопад.

– Вот видишь, – оживился мой собеседник, – даже ты, непродвинутый юзер, это понимаешь, а эти тупые бараны-заказчики отказываются это видеть, хотя преимущества очевидны! Ведь и выигрыш по быстрдействию явный и по остальным параметрам... Однако доказать этим баранам невозможно ничего! Поэтому мне приходится работать по старинке. Но это вопрос времени, я уверен. Они поймут, а не поймут, их место займут те, которые понимают и у которых еще не атрофировались мозги, и не отнялась способность мыслить на перспективу!

– Ты прав, ты абсолютно прав, – поддакнула я снова, изо всех сил пытаюсь понять, о чем все же он говорит и не оскорбил ли он меня часом, обозвав непродвинутым юзером.

Тем временем поток лодок становился все больше, а края дороги озарили тысячи сверкающих огней.

– Тебе теперь куда?

Вопрос парня вогнал меня в ступор. Я не знала, что ответить и, посчитала за благо сознаться в этом, тихо пробормотав:

– Не знаю, я никогда не была здесь.

– Как это не была? – удивился он, а потом усмехнулся. –

Ты провинциалка что ли?

Я промолчала, не зная, что он имеет в виду.

– Ну конечно... как я сразу не догадался. Наивная, доверчивая, скромная... в городе уже давно таких не встретишь. Ну ладно. Ты в город-то к кому-то ехала или просто так посмотреть?

– Просто так.

– У тебя деньги-то есть?

– Нет, – я отрицательно покачала головой.

– Да уж... – он саркастически хмыкнул, – это ты что ж думала, приедешь такой эльфийкой в город, и там твои собратья по сети встретят тебя с распростертыми объятиями? И без денег тебе предложат и кров, и еду?

– Ну не совсем так... – я судорожно придумывала, чтобы такое соврать, и придумала: – В начале-то у меня были деньги, много денег, но на меня напали... и все отобрали... я сама еле сбежала.

– Ничего себе, – парень даже присвистнул. – В милицию заявлять будешь?

– Нет, нет, – испуганно замотала головой я, – никуда я заявлять не буду.

– Ну и правильно, найти все равно ничего не найдут, лишь на допросы заматают... А документы у тебя сохранились?

– Нет, документов тоже нет...

– Это хреново. Ладно, придумаем, что-нибудь. Не грусти! – парень лукаво подмигнул мне.

– Нет, не надо ничего придумывать, – я решительно заматала головой. – Высади меня где-нибудь. Я погуляю по городу, а потом вернусь домой, – я почувствовала, внутренне почувствовала, что за показной бравадой моего собеседника кроется раздражение от свалившейся ему на голову проблемы в виде меня.

– Что ж, тогда я тебе покажу красивейшее место. Один из самых красивых мостов, мне туда все равно надо. Ты там погуляешь, а потом дойдешь до ближайшей станции метро и доедешь до вокзала. Я дам тебе денег на дорогу. Хотя, черт, ты же без паспорта даже билет не купишь... Хотя если ехать пригородными электричками от города к городу, то вполне можешь добраться и уже на месте документы восстанавливать. Тебе далеко ехать-то?

– Да нет, не особо. Не волнуйся, доберусь. Спасибо тебе.

В это время мы подъехали к мосту. Он действительно был очень красивый. Парень остановил Феррари и протянул, достав из кармана, небольшую стопку бумажек: – Вот, держи тебе должно хватить.

– Но я не смогу отдать, – смущенно пробормотала я.

– Бери, бери, я знаю, что не сможешь. Но ближнему в беде

надо помогать, – он улыбнулся и насильно вложил мне в руки бумажки. – Иди. Удачи тебе!

– Спасибо, – я улыбнулась и вылезла, захлопнув за собой дверку.

Грустным взглядом я проводила удаляющийся силуэт Феррари, уносившей столь понравившегося мне местного парня: красивого, обаятельного, доброго... парня, чье сердце, к сожалению, принадлежало не мне...

В это время на перекресте дорог Феррари вдруг развернулась и поехала в обратную сторону. Мое сердце забилось чаще.

Феррари, не доезжая меня, остановилась, парень вышел из неё и зашел в небольшой стеклянный домик у обочины, подсвеченный со всех сторон огнями и полный цветов.

– Неужели? – подумала я, с нетерпением ожидая, когда же он выйдет.

Вышел он очень скоро с огромным букетом цветов, однако в мою сторону даже не посмотрел и скрылся в подъезде близлежащего дома.

Я не знаю, почему мне стало так тошно на душе. Ведь я знала, что он едет к своей девушке... Знала. Но легче от этой мысли мне почему-то не становилось. Я поняла, что влюбилась. Влюбилась в незнакомца, чьего имени даже не знаю... За всю дорогу я так и не осмелилась спросить его об этом...

– О, Творец! – я вскинула руки к небу. – Верни мне его! Я хочу быть с ним, даже если он никогда не полюбит меня,

я все равно хочу быть подле него!

Редкие прохожие с удивлением смотрели на меня, но никто не останавливался. Видно в этом городе было принято лояльно относиться к подобным проявлениям чувств.

Я стояла на мосту и смотрела на темную речную гладь. Там, далеко внизу, в водах реки отражались маленькими колышущимися светлячками сотни огней, освещающих мост. Слез не было, было чувство неизбывной тоски и непреодолимого желания любить и быть любимой. Изредка я поднимала голову и бросала взгляд на стоящую вдальеке Феррари, ловя себя на мысли, что я одновременно боюсь её не увидеть на этом месте и хочу, чтобы она уехала поскорее... Если бы она уже уехала, возможно, напрасные ожидания перестали бы терзать мне душу. Ведь я все равно никогда не осмелюсь подойти и что-то еще спросить или сказать... потому что это бессмысленно и кроме унижения я не испытаю ничего... А может, мне сейчас не хватает именно унижений, чтоб он мне грубо сказал, что-то типа: «отвали, уродина», может, тогда боль от обиды заглушит в моей душе это чувство ожидания неизвестно чего, которое терзает мое сердце иллюзорной надеждой...

Сколько же может продолжаться эта попытка? Почему я не могу уйти... сама уйти в суету ярких огней этого города? Почему стою и жду, чтобы первым уехал он? Что я жду? Что он вспомнит обо мне и найдет меня здесь? Что мне вообще

нужно от него и на что я надеюсь? – туча подобных мыслей роилась в моей голове, побуждая взять и уйти, но я упорно стояла и смотрела вниз, пытаюсь в каждом проходящем за моей спиной угадать его.

Людей проходило мало. Судя по темному небосклону, было около трех часов ночи.

С реки дул холодный ветер, и я порядком замерзла в своих тонких, расшитых золотом шелковых одеяниях, которые здесь у всех вызывали улыбку.

Каждый, кто проходил мимо меня, непременно улыбался, разглядывая мой наряд, кто-то по-доброму, кто-то с иронией, но никто не остановился и ни о чем не спросил.

Через некоторое время, замерзнув окончательно, я сдалась, решив, что не смогу до утра простоять на мосту под порывами этого пронизывающего ветра. Я развернулась, чтобы определиться, куда мне пойти, чтобы хоть немного согреться, и тут увидела на другой стороне моста фигуру парня, смотрящего, как и я минуту назад, в темные речные воды, причем очень знакомо одетую. Мое сердце учащенно забилось и меня моментально бросило в жар. Ну конечно: эта светлая легкая куртка и брюки из плотной, я бы даже сказала грубой ткани синего цвета, и волосы цвета спелой ржи... Только что-то все равно было не так. И через секунду я поняла что. Плечи ссутулены, голова опущена, фигура ростом казалась намного ниже, чем мой знакомый незнакомец. Неужели не он? Или все же он?

В это время парень, взявшись рукой за опору моста, легко вспрыгнул на перила.

Мой крик заполнил все окружающее пространство, и я через дорогу, проходившую по центру моста, бросилась к нему. Я не знала точно он это или не он, но в любом случае я не могла ему позволить прыгнуть вниз.

Метнувшись стрелой на другую сторону моста под визг колес останавливающихся лодок, я не переставая вопить: «неет!», вцепилась в ноги уже развернувшегося в мою сторону парня, который оказался именно тем, кого я так долго ждала.

– Ты что так орешь? Хочешь, чтоб нас в милицию забрали? – тихо спросил он, пытаясь осторожным движением высвободить хотя бы одну ногу из моего крепкого захвата.

Но любовь придала мне сил, и это у него не получилось.

Однако орать я перестала и, переведя дыхание, тихо сообщила ему: – Даже не вздумай, все равно не дам.

– Что не дашь? – медленно присаживаясь на корточки, осведомился он.

Тем времени из остановившихся из-за моей пробежки через мост лодок, высунулось несколько человек.

– Девка, ты что совсем очумела? Дура чокнутая! – услышала я. – Так ведь и под машину попасть недолго!

«Так вот как называются, эти лодки – «машины» – сообщила я, – надо будет учесть на будущее», и не обращая внимания на крики, едва слышно прошептала: – Я не дам тебе

спрыгнуть вниз.

– С чего ты решила, что я хочу спрыгнуть? И вообще что ты тут делаешь?

– Я... я... я любовалась рекой, а потом вижу ты на перила влез, ну и подумала...

– Неправильно ты подумала, – парень аккуратным движением разжал мне руки и сел на перила.

Машины на мосту, видя, что мы на них не реагируем, начали разъезжаться.

– Но тебе же плохо! Я вижу, что плохо! Что случилось? – спросила я, пристально вглядываясь в такие красивые, но теперь такие печальные глаза.

Парень помолчал немного, а потом, глядя куда-то мимо меня, тихо проговорил: – Катя сказала, что если я не обещаю ей, что мой отец организует ей фотосессию в Лондоне, то встречаться со мной она больше не будет...

– А твой отец может это сделать?

– Может... Легко может.

– Тогда в чем проблема? – удивилась я.

– Да не буду я его просить об этом, ни за что не буду! Я могу ей дать, то, что я могу, а не то, что может мой папочка. А это ее, видите ли не устраивает... Вот причем тут мой отец, спрашивается, если она со мной строит свои взаимоотношения, а никак не с ним? Я же не купить её хочу на его деньги... Я люблю её и думал, что она меня любит... А выходит, она лишь ради отцовских денег и связей... Гадко... –

парень брезгливо передернул плечами. – До чего же гадко... Получается, она врала, что любит... Все врала.

– Возможно и так, – согласно кивнула я, – но ты ведь сам говорил, что людям на то жизнь и дается, чтобы искать, про-бовать, находить, потом разочаровываться и снова искать... Может, ты просто еще не нашел свою любовь.

Парень спрыгнул с перил и встал напротив меня, взяв ру-ками за плечи:

– А ведь ты чертовски права. Не зря я тебя встретил сего-дня... Явно не зря! – он долгим взглядом посмотрел на ме-ня, а потом на одном дыхании выпалил: – Слушай! А ты не хочешь стать моей девчонкой? Тебе ведь все равно некуда идти, а так поживешь у меня. Я, правда, с предками обитаю, но квартира большая, и меня ни в чем не ограничивают. Со-глашайся!

Кровь прилила к моим щекам, от избытка нахлынувших на меня чувств. Я, конечно, отчетливо понимала, что пред-лагает он мне это сгоряча, в надежде заглушить сердечную боль, но ведь именно об этом я молила несколько часов на-зад, поэтому ни секунды не раздумывая, кивнула: – Конечно согласна, кто ж отказывается от предложения такого парня.

– Вот и замечательно, – он решительно обнял меня за пле-чо и повел к машине, – поехали с предками тебя познаком-лю.

Мы вошли в высокий дом, намного выше даже нашего

дворца, но гораздо скромнее украшенный. Ни тебе резных колонн, ни мраморных балюстрад. У входа мой спутник обратился к заспанной привратнице:

– Роза, это моя девушка, запомни и сменщице передай, чтоб без проблем в любое время пускала.

– Да, да, конечно, обязательно и запомню, и передам, что в двадцать восьмой теперь новая жиличка, – закивала ему та из-за стеклянной перегородки, после чего нажала на что-то у себя на столе, и дверь перед нами распахнулась.

Удовлетворенно кивнув ей в ответ, он прошел через большой холл и, остановившись перед двумя сомкнутыми дверями, нажал большую черную кнопку, бросив мне через плечо:

– Если как-нибудь без меня вернешься, скажешь: «в двадцать восьмую», тебя пропустят.

Идя следом за ним, я старалась запоминать все, что он делает, потому что вещи этого мира были очень странными и необычными для меня.

В эту время створки одной из дверей разъехались в стороны и мы вошли в маленькую комнатку, там на стене было много кнопочек, мой спутник нажал на одну из них, с цифрой семь. Двери комнатки сомкнулись, она задрожала и по моим ощущениям стала подниматься вверх. Я старалась ничем не выдать своего удивления и усиленно делала вид, что стоять в маленьких комнатках, ползущих куда-то вверх, для меня дело обыденное. Хотя по-честному мне даже страшно не было. Рядом с теперь уже моим парнем меня не пугало

ничто. Внутри у меня все ликовало и пело... Хотя я немного лукавлю. Кое-что меня все же страшило. Страшило предстоящее знакомство с его, как он сказал, предками. Из контекста нашей беседы я поняла, что так в их мире называют родителей, а не давно умерших родственников.

«Вдруг я им не понравлюсь, и они выгонят меня?» эта мысль беспокойной кошкой царапала меня всю дорогу, но я не осмелилась озвучить её вслух, доверившись произволу судьбы.

– Ну что ты стоишь, выходи из лифта, не трись, все будет хорошо, – услышала я и вздрогнула.

Задумавшись, я не заметила, как комнатка остановилась, и её двери вновь расползлись в стороны.

«Ага, комнатка лифтом называется» – мелькнуло в голове, и я вышла из нее, оказавшись в большом холле, в дальнем конце которого виднелись четыре двери. Не зная, куда идти дальше, я замерла в нерешительности, я обернулась.

– Да не трись, не трись... Раз говорю, что все хорошо будет, значит будет. Предки у меня нормальные и все понимают, пошли, – убежденно проговорил мой спутник и, обняв меня одной рукой за талию, повел к самой дальней из дверей, над которой я увидела цифры 28.

Несмотря на убежденность его тона, мне показалось, что говорил он это скорее для себя, чем для меня.

– Тебе не кажется, что столь позднее время, не самый лучший выбор для представления меня им? – стоя перед дверью

и наблюдая, как он, достав из кармана ключ, открывает ее, тихо спросила я.

– Мать все равно не спит. Она не ложится, пока я не вернусь, а отец в командировке, прилетит лишь завтра вечером, вернее уже сегодня, – повернув ключ в замке, он распахнул передо мной дверь: – Заходи.

Я вошла и замерла посреди большого холла, расходящегося коридорами в три стороны.

В то же мгновение откуда-то из глубины раздался мелодичный женский голос:

– Дэн, это ты?

– Да, мам, – ответил мой спутник, запирая за собой дверь, – и я не один!

– Сейчас я выйду, – тут же откликнулась женщина.

Мой спутник тем временем склонился, небрежным движением стащил с себя обувь и, бросив её в угол, достал из шкафчика при входе мягкие туфли одни надел сам, другие бросил мне под ноги, буркнув: – надевай тапочки.

Я послушно сняла свои туфли и сунула ноги в предложенные мне тапочки, став при этом сразу ниже ростом так, что полы моего платья мешковато распластались по полу, наверняка добавив нелепости и несуразности всему моему облику.

В это время в холл вышла худенькая невысокая женщина в длинном шелковом халате, и я пораженно замерла.

Правильные черты лица, высокий лоб, обрамленный небрежно заколотой прической из копны каштановых, вол-

нистых волос и глаза. Выразительные, огромные голубые глаза, под капризным изломом бровей, обрамленные густыми длинными ресницами, которые словно магнит притягивали к себе, и в глубине которых легко можно было утонуть.

Взглянув на меня, она перевела удивленный взгляд на сына, и растерянно спросила: – Ты не с Катей?

– Как видишь, мам, я не с Катей, – усмехнулся он и продолжил: – И чтобы прояснить обстановку скажу сразу: с Катей мы расстались. Это моя новая девушка, её зовут, – он замялся, а потом обернулся ко мне: – Как тебя зовут?

– Лия, – тихо выдохнула я.

– Так вот, – продолжил он, – её зовут Лия. Она поживет у нас. Она увлекается эльфами и прочей толкиеновской белибердой, поэтому этот наряд и вот такие уши, – он вновь повернулся ко мне и небрежным жестом завел прядь волос мне за ухо.

Я никогда в жизни не стыдилась моих собственных ушей, но сейчас, глядя в изумленно-расширившиеся глаза этой женщины, была готова от стыда провалиться сквозь землю.

Некоторое время женщина молчала, видимо пытаюсь осознать увиденное и услышанное, а потом очень тихо произнесла:

– Дэн, ты, конечно, уже взрослый и сам вправе выбирать: с кем жить, но не поторопился ли ты? Как я поняла, с Катей ты расстался лишь несколько часов назад, эту девушку ты практически не знаешь, иначе имя бы её запомнил. Не ломай

жизнь ни себе ни ей столь поспешными решениями. Я не против, чтобы вы встречались, но зачем делать сразу такие кардинальные заявления и связывать себя обязательствами, которые могут оказаться в тягость вам обоим. Не торопитесь. Пойдемте выпьем чаю, а потом ты Дэн, отвезешь Лию домой.

– Лия провинциалка. Так что отвезти домой я в любом случае её не смогу, мам.

– Оплати ей гостиницу. Если у тебя нет денег, я дам. Не надо торопиться вступать в отношения, если у вас нет никаких чувств друг к другу, кроме взаимного интереса. Ты хочешь заглушить боль разлуки, а ей, как я поняла, просто негде жить. Давайте сообща решим эти проблемы, а потом вы начнете строить ваши взаимоотношения лишь исходя из ваших чувств друг к другу. Как я уже сказала, я не возражаю против ваших свиданий, лишь грань не переступайте пока друг друга получше не узнаете, и в своих чувствах не убедитесь. Спешка нигде до добра не доводит, а уж в таком деле и подавно.

– Мама, она останется здесь, и будет жить со мной!

– Почему ты не хочешь проверить свои и её чувства? Ведь возможно ссора с Катей была лишь недоразумением... ты же так любил ее... и она хорошая девочка.

– Мама, я не хочу больше слышать в нашем доме имя Кати! Между нами все кончено!

– Почему?

– Потому что она лживая, беспринципная, ищущая лишь

собственную выгоду карьеристка, и ей плевать на меня, вот почему.

– А ей не плевать? – женщина указала на меня рукой.

– Ей не плевать.

– Исходя из чего, ты сделал такой вывод?

– Да хотя бы из того, что она сквозь поток машин бросилась лишь бы не дать мне с моста прыгнуть!

Женщина побледнела как полотно и, схватившись рукой за сердце, прислонилась к стене, прошептав трясущимися губами: – Денис, как ты мог?

– Мамочка, – Денис подскочил к ней и, обняв, усадил на стул, стоявший неподалеку, – да не переживай ты так, я не собирался кончать жизнь самоубийством, я всего лишь хотел почувствовать грань, постоять на краю, когда еще шаг и все, но я не собирался делать этот шаг. Клянусь! Ты посиди тут, я тебе сейчас капли накапаю, – он выбежал из холла.

Женщина подняла на меня глаза полные слез и едва слышно проговорила: – Спасибо тебе, моя девочка.

В эти простые слова было вложено столько чувства, что у меня самой перехватило дыхание и закружилась голова. Я поняла, нет, почувствовала, что для неё больше не имеют значения ни мой внешний вид, ни мое положение. Я стала «ее девочкой».

Мы сидели на кухне втроем. Я, Дэн и Вероника Вениаминовна. Вот до чего сложное имя у матери Дэна, я уже раз сто

проговорила его про себя, а выговорить с первого раза вслух все равно не могу, видно не зря на меня ругался за нестарательность старина Дарт, заставляя учить всякие языкосломные словосочетания. Вот была бы я чуточку поусерднее, глядишь, и не было бы сейчас у меня таких проблем.

– Лия, тебе еще чаю налить?

– Нет, спасибо, Верника Веаниамовна... ой... Вероника Веминиановна... то есть я хотела сказать Венамиамовна, нет, не так... – я сбилась окончательно и испуганно потупилась, руками нервно теребя край скатерти.

– Да не смущайся, Лия, мое имя-отчество редко кто сразу запоминает и правильно выговаривает, поэтому все обычно зовут просто Ника, я привыкла. Ты тоже можешь называть меня так и обращаться на ты. Я не сторонница официоза.

– Правда? – я удивленно посмотрела на нее.

– Лиечка, я никогда не лгу и не выношу, когда мне лгут другие. Можешь у Дэна спросить, он знает. Поэтому, если я тебе это сказала, то значит, так оно и есть, – с легкой усмешкой ответила она, а потом добавила, – так что договорились, ко мне на ты и Ника. А вот к папе Дениса тебе придется обращаться на Вы и как следует выучить его имя-отчество, правда оно не столь сложное, как мое: Виктор Алексеевич. Я думаю к вечеру, когда он приедет, ты запомнишь.

– Да, конечно, – я закивала. Имя Ника замечательно гармонировало с обликом женщины и мне было очень радостно оттого, что она позволила мне так себя называть. А уж Вик-

тор Алексеевич я выучу без труда.

– Мам, а ты подготовишь его, ладно? – Дэн просительно взглянул на мать и добавил: – И еще, пожалуйста, не рассказывай, что я влезал на перила моста.

– Не буду, не волнуйся, – Ника ласково улыбнулась сыну, а потом повернулась ко мне: – Кстати, а где твои вещи? Или ты собираешься постоянно в этом наряде ходить?

– Я... у меня... понимаете... – от волнения у меня на глазах выступили слезы, и я вновь стала нервно теревить край скатерти. Я ведь помнила, что минуту назад Ника сказала, что не терпит лжи, и боялась, что, солгав, потеряю её расположение и доверие.

Меня выручил Дэн.

– Мам, на неё напали. Она на слет толкиенистов приехала. Готовилась, как видишь: костюм, пластика ушей, образ... Наверно думала фурор произвести. Только что-то пошло не так... Что конкретно случилось она не сказала, сказала лишь, что напали на нее... ну и после этого осталась она и без вещей, и без документов, и без денег, да и сама, как я понял, еле ноги унесла, полностью разочаровавшись во всей этой бредятине. Я на лесной дороге её подобрал. Стояла еле живая от страха и даже к обочине подойти боялась. Видишь, у неё до сих пор слезы на глаза наворачиваются, как она вспоминает об этом.

– Бедная моя девочка, – Ника порывисто встала и, подойдя ко мне, притянула к себе мою голову и стала ласково гла-

дить, – не переживай, на этом жизнь не заканчивается, все будет хорошо, вот увидишь.

Я замерла, боясь пошевелиться, чтобы не прервать тот поток нежности и ласки, которым меня одаривала Ника. Так ласково со мной никто и никогда в жизни не обращался.

Однако ничто не может продолжаться вечно. Через некоторое время Ника немного отстранилась и ласково потянула меня за плечо:

– Пойдем, – проговорила она, – я тебе что-нибудь из своего гардероба подберу, а завтра с утра мы ходим в магазин и купим тебе все необходимое.

С утра пораньше, я, одетая в Никину юбку и блузку и причесанная таким образом, чтобы мои уши не были заметны, вместе с Никой отправилась по магазинам, которые, по сути, были похожи на лавочки наших торговцев, только гораздо больше.

Она накупила мне уйму разных вещей. Вначале я скромно заметила, что мне будет вполне достаточно одного комплекта одежды, на что Ника, улыбнувшись, сказала:

– Лия, у меня никогда не было дочки, а я так мечтала покупать ей наряды, так что не лишай меня удовольствия.

И я обрадовано позволила ей наряжать меня словно куклу. Заворожено наблюдая, каким ласковым светом искрятся при этом её глаза. По мере нашего продвижения из отдела в отдел кофточки и платья сменялись брюками со странным

названием джинсы, а туфельки удобной обувью под названием кроссовки.

– Тебе нравится? – заставив примерить меня очередную вещь, мелодичным голосом осведомлялась Ника.

Ответ я читала в её глазах. Если ей самой нравилось, я восторженно заявляла, что всегда мечтала о такой вещи, а если Ника хмурилась и с сомнением оглядывала меня, недовольно кривя губы, я тут же отрицательно мотала головой, добавляя, что вещь не в моем вкусе.

Когда багажник Никиной машины оказался полностью забит всевозможными пакетами и коробочками, Ника, удовлетворенно оглядев его, с улыбкой сказала:

– Ну с покупками я думаю, пора закругляться. К тому же есть еще одно дело, – она обернулась ко мне: – Лиечка, солнышко, ты ведь не станешь возражать, если теперь мы отправимся в салон красоты, и там чуть-чуть поколдуют над твоей внешностью?

Слово «поколдуют» меня очень сильно напрягло, но Ника так ласково смотрела на меня, что я не посмела огорчить её отказом.

В большом здании с вывеской «Салон красоты Сфера», куда она привезла меня, Ника тут же подошла к привратнице с табличкой «администратор», которая расплылась в улыбке:

– Здравствуйте, Вероника Вениаминовна!

«И как это ей удалось вот так с первого раза, абсолютно правильно? Наверное, тренировалась долго», – подумала я.

– А Леночка Вас уже ждет. Вы как только позвонили утром, мы сразу зарезервировали для Вас её на весь день, – продолжила она все с той же улыбкой на пол-лица.

Хоть эта самая «администратор» и улыбалась столь приветливо, никаких чувств за этой улыбкой у неё не стояло, уж можете мне поверить.

Похоже, что Нику её улыбка тоже не обманула, потому что, сдержанно кивнув ей и ничего не отвечая, она, взяв меня за руку, прошествовала на второй этаж и решительно открыла одну из дверей.

Мы вошли, и вот тут Ника сама заулыбалась:

– Леночка, здравствуй!

– Здравствуйте, здравствуйте, Вероника Вениаминовна, – заулыбалась в ответ вставшая из-за столика в углу женщина в белом халате.

– А я тебе новую клиентку привела. Прошу любить и жаловать: Лия, возможно, моя будущая невестка.

– Очень приятно, Лена, – женщина обернулась ко мне и тоже улыбнулась.

– Леночка, девочке надо сделать все по полной программе: и прическу, и все масочки, и все-все-все... К вечеру она у меня должна быть красавицей.

– Хорошо, – кивнула Лена, – для начала с прической определимся, – она подвела меня к креслу перед огромным зер-

калом и усадила, после чего повернулась к Нике: – Вы как хотите, чтоб я её постригла?

– Леночка, ну ты же волшебница, ты сама знаешь, кому что идет... Сделай все на свой вкус, только так, чтоб ушки у неё были прикрыты.

– Угу, – Леночка замерла, разглядывая мое отражение в зеркале, потом взялась за расческу, – ушки прикрыть, говорите, – начала она и пораженно застыла, глядя на мое ухо.

– Леночка, – сзади к ней подошла Ника, – не пугайся, девочка просто фэнтази начиталась и пластику ушек сделала, чтоб на эльфа походить.

– Да лучше б она пластику рта сделала, – тихо пробормотала Лена, глядя на меня с явным отвращением.

То что произошло дальше, я увидеть никак не ожидала. Милая, улыбающаяся Ника мгновенно превратилась в яростную фурию:

– Вы что себе позволяете на своем рабочем месте! – гневно выдохнула она, встав напротив Лены и сверля её злобным взглядом. – Какое Вы имеете право советовать ей, что ей лучше было делать, к тому же в таком оскорбительном тоне? Я не желаю больше выслушивать, как Вы оскорбляете мою будущую невестку, и какие реплики отпускаете в её адрес. Мы сейчас же уйдем, и я больше никогда не воспользуюсь Вашими услугами, и еще немедленно сообщу об этом Аркадию Васильевичу! Понятно?! Вставай, Лия, пойдем! Мы найдем другого мастера.

– Вероника Вениаминовна, голубушка, простите! – Лена обежала вокруг кресла и схватила Нику за руку. – Я очень виновата, но я не нарочно, это неподумавши как-то у меня вырвалось, я обещаю... обещаю: больше подобного не повторится. Клянусь! Ну простите дуру-бабу... Ведь если Вы только скажите директору он тут же выгонит меня, причем по статье... А я все сделаю в лучшем виде... все будет замечательно, обещаю!

– Ну не знаю. Вряд ли Лии захочется что-то делать здесь, – Ника сбавила тон, но губы её все еще презрительно кривились.

– Лия, извините меня, пожалуйста, – Лена обернулась ко мне, – я действительно сожалею о моих словах, я сказала не подумав. Извините. Если Вы останетесь, то я постараюсь сделать все по высшему разряду.

– Да ничего страшного, – я криво улыбнулась. – Так многие реагируют.

– Лиечка, ты у меня ангел, девочка моя, – лицо Ники вновь озарила очаровательная улыбка, которая сразу поблекла, как только она повернулась к Лене: – Я готова забыть данный инцидент, – сухо проговорила она, глядя Лене прямо в глаза, – но если я узнаю какие слухи о моей девочке поползли по салону, я поговорю с Аркадием Васильевичем о Вашей профпригодности, обещаю.

– Вероника Вениаминовна, я клянусь, что не буду трепаться. Клянусь!

– Мне клясться не надо, это ты себе клянись, если работу хочешь сохранить, – губы Ники тронула усмешка, и она развернулась ко мне: – Я заеду за тобой часика через четыре.

– Через пять, Вероника Вениаминовна, раньше мне не успеть, – тихо заметила Лена.

– Хорошо, через пять, – улыbnулась мне Ника и скрылась за дверь.

Так счастлива, как сейчас, я не была никогда. Я стояла перед большим зеркалом в Никиной гардеробной, а она, поправляя на мне элегантный брючный костюм, смотрела на меня с нескрываемым удовлетворением, тихо комментируя свои впечатления: – Костюм сидит идеально, но я это еще в примерочной заметила. У тебя замечательная фигурка, Лия. И Леночка славно с тобой поработала, у тебя совсем другая кожа стала, и причесочку она тебе подобрала что надо, и макияж славненький. Ты замечательно выглядишь, моя девочка, недаром говорят французы, была бы фигурка, а личико нарисуем. Тебе надо научиться со временем так самой укладывать волосы и подкрашиваться, и ты будешь всегда неотразима.

Вы не поверите, но в этом мире, где я перестала быть принцессой, я сейчас впервые ей себя ощутила в полной мере. Мне казалось, я знаю Нику уже давным-давно, просто я потеряла её когда-то, а теперь вновь нашла, и я не понимала, как же я жила все это время без её лучезарных глаз, ласко-

вой улыбки и мелодичного голоса.

В это время в коридоре раздался звонок, и Ника упорхнула, бросив мне,

– Не забудь: Виктор Алексеевич!

Через некоторое время следом за Никой я вышла в коридор и замерла в проеме двери, наблюдая, как вернувшийся домой папа Дениса целует свою супругу.

– Я так соскучилась. Очень устал? – ласково щебетала Ника, забирая из рук супруга плащ. – Тяжелая была командировка?

– Да так... – отец Дениса неопределенно повел плечом. Это был среднего роста, плотного телосложения, лысеющий мужчина с очень суровым выражением лица.

– Но тебе удалось подписать контракт? – Ника с озабоченностью взглянула на него.

– А разве когда-то бывало иначе? – хмуро отозвался он.

– Какой же ты у меня молодец. Я так рада! Я представляю, чего это тебе стоило, – глаза Ники заискрились от счастья, и она, шагнув к мужу, порывисто обняла его. – Нам надо это отметить!

– Никуш, не сейчас... Мне конечно приятно, что ты так радуешься, ты, наверное, единственная, кто может оценить подобное в полной мере, но я и правда устал: сначала эти бесконечные совещания, потом сразу: дорога, перелет... Я еле на ногах стою.

– Конечно, конечно... Ты отдохнешь, а потом мы поедим,

я ужин из ресторана заказала, все только разогреть. Нам столько тебе всего рассказать надо...

– Хорошо, Никуш, все будет, как ты захочешь, лишь немножко попозже... – мужчина поднял глаза и тут увидел меня: – А это кто? – в его тоне мгновенно вместо усталости послышалось раздражение.

– Это новая девушка Дэна, – кивнула в мою сторону Ника, – её Лией зовут.

– Здравствуйте, Виктор Алексеевич, – пролепетала я, даже не ошибившись в его имени-отчестве, что иначе как чудом и назвать нельзя, учитывая какое волнение я испытывала. Этот мужчина почему-то вызывал у меня безотчетный страх.

– Здравствуй, – проронил он мне в ответ и повернулся к Нике: – А где сам ловелас, меняющий спутниц словно перчатки?

– Вик, ну не надо так... – Ника ласково, даже немного заискивающе улыбнулась и взяла мужа за руку. – Как я поняла, Катя проявила себя не с лучшей стороны, продемонстрировав наплевательское отношение к твоему сыну, и он принял решение с ней окончательно и бесповоротно расстаться. Это его право, заметь. К чему ему отношения с девушкой, которая не ценит и не любит его? А Лиечка, между прочим, очень милая девочка и к Дэну хорошо относится.

– Да мне-то что, пусть хоть каждый день меняет. Я спрашиваю: где он?

– От заказчиков еще не вернулся. Поехал какую-то программу еще с утра им сдавать и пока не вернулся.

– Тогда чего его пассия тут делает?

– Живет здесь.

– Они что уже расписались?

– Нет. Зачем торопиться, пусть поживут, узнают друг друга получше.

– Хорошенькое «получше», свалил свою девку на мать и смотался куда-то. Хочет с ней жить, пусть снимает квартиру. Денег я дам.

– Вик, давай ты отдохнешь, а потом мы обсудим вопрос со съемом квартиры. Хорошо? Ты главное не волнуйся, тебе нельзя волноваться после такой напряженной поездки, когда ты столько времени не отдыхал, все волнения должны быть исключены. Пойдем, ты умоешься с дороги, примешь душ, отдохнешь часочек, а потом все решим... – Ника, подхватив супруга, под руку увлекла его за собой.

Я стояла в коридоре не в силах пошевелиться, с ужасом думая, что неужели столь замечательно начавшаяся сказка моего пребывания здесь сейчас закончится, и меня выгонят из этого дома.

В это время щелкнул замок, входная дверь открылась, и в коридоре показался Дэн.

– Отец приехал? – тихо спросил он, увидев меня.

– Да, незадолго до тебя, – кивнула я, добавив шепотом: – и сказал, что если ты хочешь со мной жить, то тебе придется

снимать квартиру.

– А, – махнул рукой Дэн, стаскивая с ног кроссовки, – не обращай внимания. Он никогда и ничего не делает против воли матери, все будет так, как скажет она.

– Но она не спорила с ним, – все также шепотом заметила я.

– А она никогда и не спорит, – Дэн саркастически хмыкнул, – но сделает он в результате все равно так, как захочет она. Так что расслабься.

Он надел тапочки и, поднявшись во весь рост, вдруг удивленно замер, пристально оглядывая меня. – Слушай, ты классно выглядишь! Мать из тебя если и не красавицу сделала, то очень стильную особу. Я можно так сказать сражен наповал, – он усмехнулся и продолжил: – Кстати, ты не знаешь, пожрать что-нибудь в доме есть? Я голодный как собака.

– Ника заказала ужин, там на кухне много-много коробочек, что из ресторана привезли, но Виктор Алексеевич устал с дороги и, как я поняла, ужин откладывается на неопределенное время.

– В таком случае пошли сами поедем, мамочка его наверняка в спальне ужином ублажать будет, так что если будем их ждать, рискуем остаться голодными.

На следующий день, встав пораньше, я вышла на кухню. Ника в длинном шелковом халате, мурлыкая себе под нос какой-то веселый мотив, наливала кофе в чашку, рядом с

которой на столе дымилась каша в глубокой стеклянной тарелке. Увидев меня, Ника резко прекратила напевать и удивленно спросила:

– Ты что это поднялась в такую рань?

– Я могу чем-то помочь?

– Только одним. Иди еще полчасика поспи.

– Но я уже не хочу спать.

– Не хочешь спать, иди полежи, время-то всего лишь шесть.

– Но я уже оделась... мне снова раздеваться? – я никак не могла взять в толк, что Ника от меня хочет.

– Не хочешь раздеваться, просто у себя в комнате посиди, книжку, например, почитай.

– Так мне просто надо уйти? – я обиженно захлопала глазами, не понимая, за что она меня гонит.

– Не обижайся, Лиечка, – Ника ласково улыбнулась. – Но лучше бы ты побыла еще в своей комнате, пока я не накормлю завтраком Виктора Алексеевича, и не провожу его. А вот потом я позову тебя, и мы вместе позавтракаем.

– Хорошо, – кивнула я и развернулась, чтоб уйти, но уйти не успела. На кухню вошел Виктор Алексеевич.

– Здравствуйте, – пролепетала я, намереваясь как можно скорее выскользнуть с кухни, но папа Дэна застыл в дверях, лишая меня этой возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.